
Алексей Мокроусов

*Из жизни
воображаемых животных:
тоска по единорогу*

У единорога так много обликов, так разнятся его смыслы, что выглядит он изменчивым и переливающимся, словно компьютерная заставка. Если из многочисленных описаний убрать само имя единорога, вряд ли с первого раза удастся понять, что речь идет об одном и том же. Белый олень со спиралевидным скрученным рогом на лбу оказывается слишком многоликим, чтобы всякий раз быть точно уверенным, будто имеешь дело именно с ним.

Из всех животных, населяющих фантастический бестиарий, единорог – самый неуловимый и наименее полезный. Не очень-то даже и понятно, зачем он появляется среди людей, тем более что в некоторых текстах отмечается его недружественное, агрессивное поведение по отношению к человеку. Разве что зачарованность девами, вводящая его в ступор, может оправдать его бытование. Человечество же, в свою очередь, долгое время испытывало к нему скорее гастрономический интерес, создавая рецепты блюд из его печени и прочие яства. Это не мешало, впрочем, насыщать образ единорога сакральными смыслами вплоть до отождествления с Иисусом Христом, а преследующих его воспринимать как охотников за духовным.

Может, единорог – это тоска человечества по жизни как таковой? Тоска, сопряженная с отсутствием в нем очевидного чуда, кроме рога, а также со склонностью к чудесному, с верностью и поэтической задумчивостью, что придает повседневному какое-то новое измерение?

Может быть, главная задача единорога – поэтическая? Он словно переходит из мира в мир, и попытка охотников преследовать его является лишь попыткой узнать, откуда он, что там, где он вырос.

В стремлении наделить целью и смыслом все, чего касается его фантазия, разум не знает пределов. Не изучив историю единорога, он решил наделить его целительными свойствами. Но ценой избавления от ядов оказывается смерть: волшебный порошок извлекается из рога единорога, который отпиливается у мертвого животного. Принесение себя в жертву ради спасения других – кажется, единорогу отплатили наибольшим, на что были способны потерпевшие тотальную неудачу охотники. Единорога объявляют главным лекарем, а потому охота за ним становится священной.

Есть ли в этом азарте что-то помимо желания поймать собою же придуманного зверя? Материализацией чего, собственно, является сам образ единорога? В вариациях ответов, как в диалоге стоящих друг напротив друга зеркал, создается образ животного, которое и называют в итоге единорогом и которое умудряется ускользнуть даже в тот момент, когда кажется намертво привязанным к дереву культуры десятком описаний и изображений, стихотворных портретов и научно-анатомических эскизов.

ВОПРОСЫ БИОГРАФИИ

Своим рогом он пропорол всю мировую культуру.

Первые упоминания о единороге относятся к III тыс. до н.э. и связаны с Месопотамией, где были обнаружены печати с его изображением. В ту пору это был еще однорогий бык – на протяжении веков вид единорога менялся не раз, иногда менялось и количество самих рогов (их становилось два). Идет ли в этом случае речь об одном и том же звере, или мы имеем дело со смешением нескольких

образов, с созданием одного целого из разбросанных по всему свету свидетельств?

Другим восточным источником стали индийские тексты – «Рамаяна», «Махабхарата» и «Атхарваведа» (где, в легенде о потоке, к его рогу Ману привязывает корабль). В китайской культуре единорог, существующий под именем «цилин», оказывается в одном ряду с животными «доброго предзнаменования» – драконом, фениксом и черепахой¹. Правда, по некоторым сведениям у него вновь два рога, что не позволяет отождествить его с европейским единорогом (хотя и не противоречит представлению об их родственных отношениях).

Постепенно единорог становится едва ли не самым известным образом фантастического животного мира, которому посвящались столь проникновенные страницы в позднеготических «Бестиариях». Многие аристократические роды, включая королевские, начиная с XV века, помещали его в геральдические знаки – порой в виде носителя щита – в качестве гербового знака чистоты, непорочности и мужской чести. В их числе самые известные гербы – Шотландии и Англии, но и на континенте единорог был популярен, особенно в Австрии. Его изображения можно встретить на гербах городов, например австрийского Блуденца или немецкого Гмюнда, а парк дворца Хельбрунн вблизи Зальцбурга украшают две стоящие напротив друг друга статуи единорогов.

В европейской традиции первым написал о нем древнегреческий историк и врач Ктесий Книдский (400 или 416 год до н.э.), живший при дворе персидского властителя Антиксеркса. Ктесий полагал, что единственный рог животного целителен: он способен очистить все, к чему ни прикоснется, в том числе воду, и даже остановить действие змеиного яда. Следом Плиний Старший сообщил о животном как о реально существующем звере, обитающем то ли в Индии, то ли в Африке.

В древности единорог ассоциировался с культом богини Девы-Матери. Позднее он стал частым персонажем в средневековых хри-

¹ Жюльен Н. Словарь символов / Пер. с фр. Челябинск: «Урал ЛТД», 1999, с. 119.

стианских текстах. В христианской традиции единорог является символом Иисуса Христа, Пречистой Девы и атрибутом в изображениях девиц-мучениц, включая Юстину и Антиохию.

Его воспринимали реальным созданием. Так, Конрад Гезнер в «Книге зверей», опубликованной Конрадом Фрошауэром в Цюрихе в 1583 году, изобразил его в виде лошади с прямым, словно штырь, рогом.

Он известен в разных обликах, но чаще встречается его описание как создания с головой и телом коня, ногами оленя, львиным хвостом, с козлиной бородой и рогом посередине лба². Во многих описаниях на первое место выступает цветная гамма: белое туловище – красная голова – синие глаза³. Хотя в европейском изобразительном искусстве он чаще всего изображается идеально белым⁴.

Изображения единорогов можно найти в самых разных местах – и на воротах королевского замка в Лондоне (в паре со львом он символизирует союз Англии и Шотландии, олицетворяя как раз последнюю), и среди экспонатов Национального музея истории и искусства Люксембурга. Здесь он помещен уже в разделе фармацевтики: раньше единорог украшал собою вход в аптеку, которая так и называлась «У единорога». В Средневековье единорог служил символом здоровья, был способен исцелять страждущих. На деле порошок из его рога, которым торговали тогда аптекари, производился из бивней китов-нарвалов, добывавшихся вблизи гренландских и исландских берегов. Когда секрет производства раскрылся, цены на священный рог и порошки из него упали в сотни раз. До наших дней аптеки «Единорог» распространены по всему Старому свету – в одной лишь Германии их насчитывается примерно с полсотни⁵.

² См.: *Апостолос-Катпадона Д.* Словарь христианского искусства. Челябинск: «Урал ЛТД», 2000.

³ См.: *Керлот Х.Э.* Словарь символов. М.: «REFL-book», 1994.

⁴ См., например, фреску Доменико Ваттвери «Девушка с единорогом» в римском палаццо Фарнезе (1602–1608).

⁵ См.: *Gutmann S.* Deutsche Einhorn-Apotheken. I – III. Teil / Hg.: W. Spitzner. Ettlingen Baden: Arzneimittelfabrik GmbH, 1967, 1968, 1971.

Образ целителя был лишь одним из множества его образов. Опираясь на скудные, но так будоражащие воображение источники, искусство не раз пыталось материализовать единорога хотя бы на плоскости графического листа или холста.

СОКРОВИЩЕ ИЗ БУССАКА

Среди самых известных работ – цикл шпалер «Дама с единорогом» из парижского музея Клоньи (В.В. Иванов более точно называет их «Девой с единорогом»⁶, но будем следовать устоявшемуся переводу). Это едва ли не самые знаменитые шпалеры в мире, о которых вспоминают в первую очередь, когда стремятся проиллюстрировать тему единорога.

В Клоньи шпалеры висят в полутемной зале: 50 люков – максимум, на что может рассчитывать посетитель. Приглушенный свет не мешает, тем не менее, рассмотреть в подробностях красивую даму на голубом «острове», окруженную тысячами цветов и редкими животными на красном или розовом фоне.

Одним из первых эти шпалеры, хранившиеся в замке Буссак неподалеку от знаменитого ткацкого центра Обюссон в центре Франции, заметил и оценил Проспер Мериме. Автор «Театра Клары Газуль», почитатель Ренессанса, был активным деятелем Комиссии по историческим памятникам. Благодаря ему удалось сохранить немало редкостей, которые писатель спасал от неминуемой гибели.

Впрочем, и до Мериме обращали внимание на обилие красивых голубенов в Буссак. Но когда последняя владелица замка продавала его местным властям, как особо ценные «составляющие» описи голубены не упоминались. Публика, а следом и государство оценили находку после восторженных текстов Жорж Санд, неоднократно бывавшей в Буссак и не раз писавшей о шедевре не только в газетных статьях, но и романах – например в «Жанне», а также в «Дневнике путешественника во время вой-

⁶ *Иванов В.В.* Единорог. – В кн.: Мифы народов мира. Т. 1. М.: «Советская Энциклопедия», 1980, с. 429–430.

нь». В итоге в 1882 году гобелены поступают в парижский музей средневекового искусства Клоньи.

С тех пор их неоднократно реставрировали, множество раз воспроизводили, но так и не разгадали связанных с ними тайн.

На гобеленах изображено немало животных – зайцы и бабочки, лев и попугай, но центральное место занимает самый фантастический зверь – единорог. В эпоху раннего Ренессанса его часто изображали на гобеленах, ткавшихся по случаю свадьбы.

Символика шпалер из Буссака во многом восходит к «Физиологу», греческому тексту II–III вв. н.э., где сам Иисус назван «единорогом духовным» (в библейских текстах часто встречается упоминание о роге как знаке духовного отличия, а более поздняя традиция напрямую связывает единорога с аллегориями Христа и Святого Духа).

Согласно «Физиологу», приручить единорога, обычно склонного к убийству людей, может лишь чистая Дева. Охотники загоняют его к Деве при помощи собак – Веры, Надежды и Любви. Или – Истины, Справедливости, Мира и Милосердия. Единорог прячет голову на коленях или за пазухой у Девы и становится в этот момент ручным, олицетворяя собою влюбленность. Тут-то его и полоняют охотники. Перед нами чуть ли не иллюстрация к стихотворению Тибо Шампанского (1201–1235) «Я стражду как единорог» (пер. А. Парина):

Он от восторга цепенел,
Когда на госпожу смотрел,
Столь был восторг его глубок,
Что навзничь пал внезапно он
И был предательски сражен...

Значения полна любая деталь на шпалерах «Дама с единорогом», которую при желании можно «прочитать». Однако несколько важных вопросов до сих пор остаются без ответа. Во-первых, кто их автор? Нельзя ли, например, обнаружить в них руку мастера, создавшего «Охоту на единорога» – цикл, хранящийся ныне в нью-йоркском музее Метрополитен, или «Жизнь Пресвятой Девы» из того же музея Клоньи? А в одной частной французской коллекции полвека назад разыскали «Историю Персея», драпи-

ровку, некоторые мотивы которой буквально повторяют сюжеты парижского цикла. Может, их один художник придумывал?

Вероятнее всего, автор «Дамы с единорогом» был французом, скорее всего парижанином, близким к кругу художника Жана Перреала, либо, напротив, мэтром Анны Бретанской (под этим именем имею в виду Жана или Луи из Ипра). А ткали гобелены во Фландрии. И, похоже, в качестве свадебного подарка.

Другой вопрос – сколько же было этих гобеленов с самого начала? (Тут, конечно, описка: гобеленами звались шпалеры, сделанные на парижской мануфактуре Гобеленов, но язык норвит переписать историю.) Мериме рассказывал о других, еще более красивых работах – если таковые вообще возможно себе представить, – исчезнувших по воле одного из владельцев замка графа де Карбоньера. Он разрезал их ради обивки мебели. Другие свидетели сохранили рассказы о том, как местный супрефект во время переезда пустил какие-то гобелены на упаковку своего фортепиано, а их остатки рабочие использовали в качестве ковровых дорожек.

Доказательств, что исчезнувшие шедевры составляли одно целое с циклом из Клоньи, не существует. По крайней мере, с XVIII века сохранившиеся шпалеры висят в столовой замка, и такими они и вошли в историю. И даже последнюю шпалеру «*Mon seul desir*» иные готовы объявить не принадлежащим к циклу произведением, лишь случайно объединенным с остальными.

ПЯТЬ ЧУВСТВ

В пользу единства цикла свидетельствует теория «пяти чувств». Согласно ей, пять гобеленов изображают основные способы человеческого восприятия: слух, обоняние, зрение, вкус и касание. Потому на одном из них дева держит в руке серебряное зеркало, на другом берет конфету с блюда, на третьем музицирует на органе... Даже попугай с лакомством в котях олицетворяет чувство вкуса⁷.

⁷ См.: *Баттистини М.* Символы и аллегории. М.: «Омега», 2007, с. 323.

Это был не то чтобы излюбленный, но часто встречавшийся в те времена сюжет. В описании коллекции кардинала Мазарини, например, встречается подобный гобелен. Позднее и фламандцы полюбили изображать «Пять чувств» – столь свойственным им сатирическим пером. Некоторые считают, что под каждым чувством понимается определенный возраст в жизни человека: младенчество, отрочество, зрелость и т.п. Здесь и оказываются важны образы диких животных, символизирующих такой переход: пробуждение сексуальных инстинктов при переходе от детства к отрочеству⁹, но одновременно – благодаря единорогу – и победу целомудрия над страстной любовью.

Философские аллюзии не отменяют мистического. Зеркало, которое держит перед собой прекрасная дева и в которое смотрит единорог, напоминает о его невидимой сущности. Лишь избранным доступно его отражение в зеркале, только так они могут увидеть само животное.

Непросто разобраться с финальным аккордом всего цикла – гобеленом «*Mon seul desir*». «Мое единственное желание» – такая надпись на шатре, под коим скрывается дева. В музее Клуни, где пять «чувственных» частей висят полукругом, эта, шестая, размещена отдельно, напротив остальных. Ее толкования не только многообразны, но порой и радикально отличны друг от друга, вплоть до предложения считать эту работу частью какого-то другого цикла. В 1934 году Филлис Акерман связала шпалеры с мистериями Марии, а в последнее время получило распространение представление о связи этой шпалеры с идеями древнегреческих мыслителей о свободе воли¹⁰.

Влияние шпалер из Буссака на европейскую культуру трудно переоценить. Есть даже попытки политического истолкования цикла – например, в пьесе У.Б. Йейтса «Звездный единорог». Она написана в 1908 году в соавторстве с леди Грегори и рассказывает о борьбе Ирландии за независимость. Образ единорога

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Матвеева А. «Иисус Христос – божественный единорог» // Новый мир искусства, 2002, № 5, с. 30–33.

возникает на многих полотнах Пюстава Моро, зачарованного мистической красотой зверя. Позднее шпалеры появятся на страницах романа Р.М. Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге» (характерно, что и Моро, и Рильке – фигуры-одиночки в современной им культуре; их одиночество переключается с одиночеством самого единорога). Описывая свои впечатления от сокровищ Буссака, рассказчик попадает в герметичный мир, предполагающий к догадкам, но не допускающий проникновения вовнутрь: «И вот снова праздник, но никто не зван. Никого не ждут. Все – здесь».

Для Рильке образ единорога оказывается одним из важнейших. Он посвятил ему несколько стихотворений, а связанное с ним прилагательное «*tein*» – одно из наиболее употребительных в его наследии: в словаре образов оно встречается около двухсот раз¹¹. Знаменитый четвертый сонет из его второй книги «Сонеты к Орфею» переводился на русский не раз. Попытка передать ощущение, когда

Пусть не было его, но так любим
он, чистый зверь, что и ему дано
пространство: столько света перед ним,
что, голову подяв, он все равно
почти что есть...¹¹

выглядит как сложнейшая задача самоопределения, желание обнаружить новое или возобновить забытое, связанное с доисторическим или внеисторическим.

¹⁰ См.: *Leisi E. Rilkes Sonette an Orpheus*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1987, S. 196. Автор пишет, в частности, о сопредельности для Рильке образов единорога и Орфея.

¹¹ Пер. В. Миклушевича.

ПОПЫТКА ОТТОРЖЕНИЯ

Христианская мысль далеко не всегда воспринимала образ единорога как продуктивный. Во многом это было реакцией на алхимиков, для которых единорог играл столь важную роль в изучении Меркурия (он его символизировал вместе со львом)¹².

В Ландесмузеум в австрийском Клагенфурте хранится деревянный рельеф «Nortus Conclusus», находившийся ранее в церкви Марии Зааль и датированный 1520-ми годами¹³. На рельефе на фоне ренессансного города изображена дама, держащая на руках тянущегося к ней единорога. В какой-то момент глаз зрителя спотыкается. Тщательная проработка всех деталей дает сбой единственный раз, когда дело доходит до единорога. Упрощенные формы напоминают скорее о фольклорном, а не профессиональном искусстве, да и сам единорог выглядит существом случайным, словно попавшим сюда из какого-то другого произведения.

В каталоге же собрания вся эта рельефная композиция (озаглавленная по-немецки как «Охота на единорога») воспроизведена уже без всякого единорога. У Марии просто пустые руки, точнее – отсутствует кисть правой руки, которая и держала зверя.

Говорят, в какой-то момент – по настоянию некоего пастора – единорог был изъят из композиции на основании того, что не является священным животным, принадлежащим к культуре девы Марии. Затем он был возвращен на свое изначальное место. Фигуру его выполнял уже новый мастер, куда менее искусный в сравнении с прежним. Отсюда и эта стилистическая разногласия – едва ли не естественная для иконографии влюбчивого зверя.

В середине XIX века, словно отказавшись от мысли, что единорог – «это вечно ускользающий идеал (или мечта), который всегда живет в человеческом сердце»¹⁴, наука попыталась обосновать существование животного. В своем «Синописе трех

¹² Об их «идее единорога» см. работу Карла Густава Юнга «Психология и алхимия» (рус. пер. – М.: «Рефл-бук», 1997).

¹³ Размер – 151 x 114 см; изначально был полихромным.

¹⁴ Жюльен Н. Указ. соч., с. 120.

царств природы. Справочнике для преподавателей, а также всех, кто научно занимается историей природы» (1844) Йоханнес Леннис, профессор университета в Хильдесхайме, утверждал, что есть свидетели того, как шкуру единорога, умершего в зверинце раджи Непала, передали научному обществу Калькутты. Сам единорог живет в провинции Тценг, а рог его и впрямь напоминает тот, что изображен в английском гербе¹⁵. Сегодня единорога пытаются идентифицировать с антилопами, относящимися к роду ориксов: аравийской антилопой (Oryx leucorox), обитающей в Южной Эфиопии, и с антилопой из северо-восточной кенийской саванны (Oryx beisa).

Но, наверное, самым неправильным было бы увидеть единорога живьем. Разве что в зеркале. Все-таки между «как живой» и «живой» есть значительная разница, и в каком-то смысле она в пользу первого.

¹⁵ См.: Reichhoff J.H. Fabelhaftes Einhorn. Entzauberung eines Mythos // Aviso. Zeitschrift für Wissenschaft und Kunst in Bayern, 2007, № 3, S. 13.